

Космос скрывает в себе чудеса за гранью самой смелой фантазии: формы жизни, которые никогда не будут доступны нашему пониманию, и биологические процессы, тайны которых мы, возможно, не в силах будем разгадать вовек. Но как же все-таки здорово — жить в эпоху, когда мир стоит на пороге подобных открытий...

Доктор Кэтрин Шипп

Одна из постоянных величин Вселенной — стремление жизни к продолжению самой себя, какими бы ни были обстоятельства, какой угодно ценой.

Доктор Джон Шипп

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАГРЕЙ *

Небо здесь оранжевого цвета.

И это еще цветочки, ягодки впереди: тут найдется много чего похуже оранжевого неба. Но, честно признаться, даже спустя три месяца по местному исчислению, проведенных на этой планетке с глупой колониальной политикой, я из-за этого вездесущего цвета все еще выпадала в осадок. Оба солнца в зените? Небо — ярко-оранжевое. Рассвет или закат? Тогда — темно-оранжевое. Нет, если подумать, — лучшего предупреждения об опасности, наверное, не сыщешь во всей Вселенной.

— *Добро пожаловать на Загрей, надеюсь, вам понравится постоянное нехорошее ощущение, что где-то вот-вот вспыхнет пожар.*

* Загрей (Ζαγρεύς, букв. с др.-греч. — «великий охотник», «великий ловчий») — в древнегреческой мифологии одна из ипостасей бога Диониса, младенец, увенчанный рогами. Убит титанами; из его пепла произошел человеческий род. (Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. пер.).

Когда я ворчу — а ворчу я, увы, почти каждый день, ибо больше здесь заняться нечем, — Виола пускается в пространные рассуждения о социальном дрейфе, переоценке взглядов на самые обыденные вещи и о том, как через несколько поколений на Загрее для сигналов тревоги будут использовать какой-нибудь другой цвет, так как оранжевый совершенно перестанет привлекать человеческое внимание. Тогда уж наверняка весь корпоративный дизайн с ног на голову встанет. А с другой стороны, вряд ли в «Вейланд-Ютани» станут перекраивать привычную цветовую схему ради одного-единственного захолустного колониального мирка.

Жаль, что у Корпорации нет четких планов насчет исследований мамы и папы. Тогда, может быть, мне не пришлось бы таращиться на небо цвета опасности всякий раз, когда открываю окно.

Да, кстати, меня зовут Оливия Шипп, и на этой планете я отнюдь не по своей воле.

Что-то зашуршало в кустах прямо подо мной. Я наклонилась вперед, уцепилась ногой за ветку дерева, на которой сидела, обрета какое-никакое равновесие, — и стала выжидать. Приманка — нарезанные кусочками фрукты, «загрейский нектар», добываемый мамой из полудюжины видов местных цветов, и кучка ксенонасекомых (малоподвижных и высококалорийных) — соблазнительно маячила внизу. Надеюсь, она привлечет десяток-другой здешних обитателей. Пока что для человечества Загрей — закрытая книга. Открытия мы тут делали каждый день.

Контракт мамы и папы распространялся и на меня, но если мне удавалось найти тут что-нибудь новенькое, все лавры отходили колонистам — как будто это они рисковали своими шеями, чтобы описать очередную неведому зверушку: вроде белку, но не совсем! Впрочем, я не особо-то и возражала. За каждое открытие мне платили — немного, но по итогам должна набраться кругленькая сумма.

Мы с Виолой — близняшки, обеим скоро стукнет восемнадцать, и мы уже достаточно взрослые, чтобы самим решать, где нам быть и что делать. Я очень хотела отправиться с ней на Землю. Повстречаться с дальней родней и показать сестру лучшим врачам в родной галактике. За такой шанс я готова любые деньги заплатить.

Ну так вот, сегодня прекрасный денек, и наплевать на оранжевый цвет небес. Кора придет только после обеда. Школы сегодня закрыты — у них тут, в колонии, какой-то праздник. Мне никто не потрудился объяснить, что за праздник — еще бы, я ведь всего-навсего странная девчонка с грязью под ногтями и веснушками на носу. А вот Виола, наверное, знает. Виола знала все о новой колонии еще до того, как мы сюда прибыли. Она объясняет это тем, что любит изучить все заранее: мол, так легче порвать с прошлым и двигаться дальше. А я думаю, ей нравилось проникать в суть вещей, хотя бы в теории, потому что она не могла просто встать и пойти изучать что-нибудь на практике.

Я опустила голову и стиснула зубы. Зря я об этом подумала. У Виолы — странная, почти не изученная болезнь аутоиммунного характера. Ее какие

только врачи не смотрели — помочь никто не смог. Потому-то наши родители и хватались за любой дополнительный заработок, за всякий шанс: они хотели обеспечить Виоле наилучший уход. Я жуть как люблю сестру. Даже когда она выводит меня из себя — все равно люблю. Нельзя злиться на человека за то, что он не в силах изменить.

В кустах снова что-то зашуршало. Мое внимание переключилось на этот шорох, и все горести отступили на второй план. Я ждала, затаив дыхание.

Прижав нос к земле и бешено извиваясь, из кустов выползла продолговатая травоядная животинка. Я прозвала этот вид «белки-сопелки», ну а мама, само собой, дала им какое-то длинное, умно звучащее название — язык, блин, сломаешь. В любом случае, вид уже открыт. Я разочарованно вздохнула.

Львиная доля мелких форм жизни на Загрее в процессе эволюции предпочла нормальным конечностям такие маленькие мясистые обрубки, вроде ножек гусеницы, или же бахромчатые «реснички». Белка-сопелка особо отличилась: у нее четыре отростка спереди и еще четыре сзади, а тело по всей длине утыкано этими самыми ресничками. При ходьбе зверек двигает ими вверх-вниз, ощупывая все вокруг.

Мама говорит, что реснички работают как кошачьи усы, и если белка-сопелка или еще какой-нибудь здешний грызун лишится их, то умрет, так как не сможет передвигаться и добывать пищу. Профессия мамы — ксенобиолог, а я еще только учусь, так что, думаю, она права. Так или иначе, белки-сопелки —

смешные создания. Ползают и машут своими придатками — просто умора. А еще у них зеленый мех, на ощупь схожий с ежовыми колючками, и четыре глаза, расположенные попарно, на манер паучьих. Да, по долгу службы ксенобиологам и не с таким приходится сталкиваться, вы уж мне поверьте.

Белка-сопелка осторожно пробралась к тарелке с фруктами, принялась чутко — как бы решая, стоит ли игра свеч. Потом сунула всю голову целиком в нутро голубой ксенодыни и начала шумно чавкать. Поскольку у зверька нет лап, как у земных сородичей, запасы приходится носить прямо в себе — жир на черный день у этих созданий откладывается в хвосте. Выползшая ко мне особь — подросток, хвост еще тонкий, а мех колючий по всей длине тела.

Мы наблюдали белок-сопелок во всех частях местной биосферы: в лесах, на лугах и засушливых предгорьях, поросших кустарником. Загрей — так называемая землеподобная планета, то есть все ее системы, хотя и отчасти, но все же родственны тем, с которыми человечество уже хорошо знакомо. И, знаете ли, это здорово. В колонии, где мы работали раньше, без кучи защитного снаряжения я не могла во внешнюю среду и нос высунуть, а Виола вообще так и не увидела ту планету, даже пока нас перебрасывали с корабля в жилые блоки. Воздух, которым можно дышать без фильтра, и солнце, не обжигающее кожу, — уже неплохо, очень даже неплохо. Спорить глупо. И черт с ним, с оранжевым небом.

Белка-сопелка, пришедшая покормиться, — вид известный, но все равно она милая, и я сделала не-

сколько набросков карандашом на бумаге, как настоящие натуралисты докосмической эры. В цифровой формат я переведу их позже — мне нравится рисовать руками, у меня довольно-таки неплохо получается. Возможно, через несколько лет освою рисование на профессиональном уровне — не хуже, чем мама с папой, — и даже смогу оставить что-нибудь для потомков.

Впрочем, долгосрочные вояжи к далеким звездам могут и подождать — как только доберусь до Земли, останусь там, по крайней мере, на какое-то время. Хочу узнать, каково это — иметь дом, а не просто «место жительства».

Белка-сопелка продолжала есть, уминала дыньку изо всех сил. Она так сосредоточилась на своем занятии, что даже не заметила, как земля рядом с ней задрожала. Я мигом выпрямилась. Это тоже что-то знакомое, но порой даже самые привычные вещи могут преподнести парочку крутых и зловещих сюрпризов.

Только что земля рядом с белкой-сопелкой была ровной и гладкой, а в следующий миг взорвалась комьями грязи и ошметками корневищ. Львиный червь — слепой подземный хищник, этакий крот, состоящий из зубов, ресничек и ненависти, — рванулся из укрытия и сомкнул кошмарного вида пасть на верхней части тела сопелки. Бедняга даже пикнуть не успела.

Обессилев от резкого рывка, львиный червь рухнул верхней частью туловища, торчавшей из земляной воронки, прямо на мою приманку. Реснички на его боках золотистые, вызывающе яркие в срав-

нении с приглушенной коричнево-желто-синей палитрой местных лесов. Они неустанно движутся, сканируя пространство, и сообщают хозяину обо всех возможных опасностях. Я сидела тише воды ниже травы. Львиные черви напрочь лишены страха и без колебаний кидаются даже на нас, людей, не сомневаясь, что могут нас одолеть и сожрать.

Впрочем, взрослый львиный червь размером примерно с земную свинью, и этого факта более чем достаточно, чтобы мне снились кошмары о тварях, роющих подкоп под наш дом. Передо мной — молодая особь, размером с кошку и в десять раз более злобная. Эта мелочь вполне способна отгрызть мне ногу — лучше не рисковать.

Немного восстановив силы, львиный червь втянул в себя остатки белки-сопелки и отступил в свою подземную нору. Он молод и достаточно слаб, так что разделался с добычей в одиночку, а не потащил к себе в колонию, где более крупные собратья от жадности могли бы заодно сожрать и его самого.

Иногда трудно быть хищником.

С учетом того, что все мои фрукты заляпаны кровью, а рядом с блюдом — огромная воронка в земле, наверное, разумнее всего на сегодня закончить и отправиться домой. Вряд ли кто-то из зверья сюда еще явится. Тем не менее я не торопилась — стала считать про себя от двадцати до одного. Знаю по опыту: терпение — полезное качество. Животные на Загрее понимают собственную экосистему, но как вести себя с нами, они пока не определились. Иногда они убе-

гают, иногда пробуют напасть, но в основном — стонятся. Так безопаснее и проще и для них, и для нас.

Так что я замерла, продолжая считать, и, как оказалось, не зря — на счет «три» до меня донеслось какое-то шуршание. Я задержала дыхание, и тут из кустов появилось существо, похожее отчасти на оленя, отчасти на стеклозверя с Сириуса-11 и еще немного — на горку гниющего мяса. Ни намек на видимый кожный покров у него нет. Как такое вообще возможно?

Подойдя к тарелке с приманкой, существо склонило голову и стало осторожно слизывать с нее кровь белки-сопелки длинным раздвоенным языком. Я достала камеру, сделала несколько снимков и переключилась на режим видео.

Похоже, это маленькое миленькое чудовище делает нас с Виолой на шаг ближе к Земле.

Прошло довольно много времени, прежде чем олень-без-кожи вылизал кровь дочиста и отправился, по-видимому, на поиски более изобильных кровавых пастбищ. Тогда я сползла с дерева и достала припрятанное в кустах снаряжение. Я всегда старалась прихватить с собой немного больше, чем нужно. Вот вам совет по выживанию в дикой природе: определитесь, сколько можете унести, и не берите больше, но вовсе не обязательно таскать это все на себе постоянно. Не зря ведь белки-сопелки делают припасы — возьмите пример с них.

Сегодня у меня довольно-таки хорошее настроение. Утро прошло прекрасно, и даже оранжевое небо уже не казалось таким ужасным, хотя я все равно никогда к нему не привыкну. До прихода Кору еще

несколько часов. У меня полно времени, чтобы подготовиться. С улыбкой я топала по знакомому пути из леса через поле к нашему дому. Кора ведь никогда раньше не приходила в гости. Может быть, это начало чего-то... Чего-то хорошего.

А может, Кора — просто одна из тех девчонок, каких я уже немало на своем веку повидала: она знает, что я здесь ненадолго, и ничего серьезного у нас все равно не выйдет; ей просто хочется немного потусить вместе. Подобный тип людей ужасно бесит мою сестру Виолу; она принимает в штыки любого, кто считает, будто достаточно хорош для меня, но не делает ничего, чтобы это доказать.

От этих мыслей улыбка сползла с моего лица. Не подумайте чего — сестру я люблю. Люблю гораздо больше, чем любое солнце, под которым мы когда-либо жили. Так как любое солнце технически является звездой, о чем Виола любит дотошно напоминать, это значит, что я люблю ее больше всех звезд в небе. Она — мое зеркало, мое эхо, часть моей души. Но...

Но при всем при том она остается Виолой — она упряма, угрюма и чаще верит тому, что где-то вычитала, а не собственному опыту. «Девяносто пять процентов отношений среди подростков оканчиваются болезненным разрывом» и «колонисты не вступают в постоянные отношения с детьми временных работников» — это все ее «жесткие факты». И мое любимое: «Ну и что, что я ее даже не видела? Уверена, у вас нет ничего общего».

Порой моя сестра — та еще дрянь.

Широкая пологая равнина между краем леса и нашим домом, возведенным далеко за пределами поселка колонистов (местные законы вообще странные и многое запрещают; Виола называет это «сектантским менталитетом»), заросла от края до края многоцветной растительностью. Листья растут ярусами, причем каждый ярус окрашен в определенный цвет. И хотя со стороны может показаться, что тут множество самых разных видов растений, на самом деле, все это — часть одной огромной растительной колонии.

Зеленые листья — жуть какие острые. Прямо как ножи. И при этом короткие, их совсем не видно под фиолетовыми. Фиолетовые же способны всасывать абсолютно любую жидкость, с которой соприкасаются. Мама говорит, что технически это растение не плотоядное, оно просто приспособливается, чтобы выжить, но я думаю так: растение, желающее моей крови, — всяко хищник!

Я старалась обходить опасные места и внимательно глядела себе под ноги. Львиные черви любят охотиться в траве. Находят самые безопасные на вид места и нападают. Мне прекрасно видны оставшиеся от них борозды. Впрочем, я великовата для червей, да и двуногие существа для них непривычны. Значит, пока что — пока что! — можно слегка расслабиться. Отец как-то сказал, что черви быстро учатся и рано или поздно узнают, что люди на вкус — вполне себе ничего. Вполне возможно, колонистам придется изводить этих тварей, дабы самим не вымереть.

Отцу, конечно, виднее. Он ведь доктор Джон Шипп, второй по величине ксенобиолог в обозримой Вселенной. Если он не может предсказать, какой фортель выкинет иномирная форма жизни, то обращается к лучшему в своем деле ксенобиологу-бихевиористу*, то есть к моей маме, доктору Кэтрин Шипп. На двоих у них больше степеней в области чудной инопланетной биологии, чем иголок у ежа.

Правда, нам с Виолой от этого — одни проблемы. Наши родители — независимые, так сказать, подрядчики, то есть они прошли все курсы, необходимые для получения стабильной и хорошо оплачиваемой работы в одной из мегакорпораций. Мама даже как-то совершила вылет с Колониальной морской пехотой — у этих ребят есть доступ в запретные миры с жуть какой дикой природой, которую не всякому дают исследовать, — и научилась отменно стрелять, что, знаете ли, не дает относиться к ней снисходительно. Но, несмотря на все вышесказанное, родители решили выбрать себе работу *по душе*, предпочтя свой интерес банальной *стабильности*.

Сдается мне, любые более или менее ответственные родители двойняшек скорее устроились бы туда, где им больше заплатят, — но только не наши с Виолой. Они полетели туда, где *настоящая* наука. То есть прямиком на затерянные в космической бездне планеты, где ни флора, ни фауна пока что не описаны, не изучены и не занесены в справочники. Мы с Виолой успели пожить в пятнадцати разных коло-

* Бихевиорист — специалист по поведению.

ЧУЖОЙ

ниях. И по-моему, наши родители были бы только счастливы, если б этих колоний было вдвое больше. Им хотелось узреть своими глазами, что законы природы и эволюции вытворяют на дальних рубежах, и у нас с сестрой не оставалось другого выбора, кроме как покорно следовать за ними.

Я вышла из зарослей и оказалась в периметре вокруг нашего дома. В колонии, где мы жили, все буквально помешаны на проблеме повторного использования, переработки и «минимизации воздействия человечества на галактику». Красивые слова. Не так-то красиво все это выглядит, когда львиные черви вдруг выскакивают из-под земли и утаскивают вашу любимую кошку к себе в нору. В день переезда родители выжгли все в радиусе десяти ярдов от дома и залили площадку быстрохватывающимся металлопластиком. Вещество твердеет, попадая в кислородную среду, и становится очень прочным — его можно применять даже в условиях вакуума. При этом оно распадается при воздействии специальных биоразлагаемых соединений. Когда мы покинем планету, рана, оставленная нами на ее лице, заживет, и к концу первого вегетационного периода* не будет никаких признаков того, что мы когда-либо были здесь.

Порой думаешь: мы, как призраки. Не оставляем после себя и следов — ни в одном из посещенных миров. И никто не будет тосковать по нам, когда мы снова исчезнем.

* Вегетационный период — время, в течение которого возможны рост и развитие растений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В И О Л А

В пяти футах от края периметра дом обнесен электрическим забором. Он гудит и потрескивает. Только так можно удержать на безопасном расстоянии тех, кто способен доставить нам неприятности. Я подняла руку, чтобы датчики поймали сигнал идентификационного браслета. Раздался щелчок, ток отключился, и две секции забора разъехались в стороны, пропуская меня.

Но это не единственное средство защиты. Всякий, кто хочет попасть в дом, еще должен вручную ввести код доступа, а его папа меняет каждую неделю. Никогда не могла понять, почему он так много внимания уделяет безопасности — как будто на нас идет охота, ей-богу. Мы ведь биологи. Без нас колонию трудно будет содержать. Да если на нас и нападут, то произойдет это, когда мы выйдем за периметр, а никак не дома.

Наш дом — стандартная приземистая жилая коробка с прочными стенами. Крыша — вся в солнечных

батареях, окна — обманчиво большие и почти всегда закрыты: пыльца у местных растений ужасно едкая, а у Виолы аллергия. Иногда ее организм совсем разучивается дышать, и в такие моменты мне кажется, что я должна дышать за нас обеих. Я вдыхаю и выдыхаю воздух и молюсь, чтобы ее легкие вспомнили то время, когда мы все делали вместе, когда между нами не было различий. Если я могу жить, Виола тоже сможет. Она просто должна вспомнить, как это делается.

Вездехода нет — мама и папа работают в лесу, или, может быть, отправились в поселок докладывать губернатору о воздействии колонии на окружающую среду. Так или иначе, Виола сейчас одна, и я понятия не имела, *как долго* она одна. Взлетев по ступеням, я буквально на ходу ввела код замка. Дверь открылась, и я попала в гостиную — ее вид не менялся, сколько я себя помню. Диван, журнальный столик, экран для видеосвязи, полки с курьезными биологическими образцами и окаменелостями, собранными в десятке разных миров-колоний, семейные фотографии на стенах гостиной. Дома даже пахло всегда одинаково: сложной смесью консервирующих препаратов и земных специй. Порой, зуб даю, этот запах мне даже *снится*.

Когда я была маленькой, то думала, что мы перевозим дом с собой с планеты на планету. Теперь-то я понимала, что родители реконструировали его каждый раз, когда мы переселялись, размещая пожитки по-старому. Все-таки это место связывало нас, напоминало о том, что мы — одна семья. Что мы дома.

Кстати говоря...

— Виола! Я дома!

— Ложь! Все ложь и притворство... — донесся до меня голос сестры.

— Ты это подцепила из очередной мыльной оперы? — крикнула я как можно громче.

— Мелко мыслишь. Мне было скучно, и я читала стихи. Шекспир все еще крут.

— Всех нас переживет, — согласилась я, просунув голову в дверь. — Привет.

— Привет, — ответила моя сестра-близняшка с болезненной улыбкой.

Она устроилась на кровати с планшетом на коленях. На локте у нее кардиомонитор — с виду его можно принять за причудливое украшение, если не знать истинное назначение.

Боже, как она прекрасна.

— Видела что-нибудь интересное сегодня?

— Нет, только тебя вот сейчас вижу.

Мы родились абсолютно одинаковыми. Мы и сейчас почти одинаковые, даже несмотря на небольшие различия, внесенные самой жизнью. Мы обе бледные, как папа, хотя Виола гораздо бледнее: она-то никогда не выходит наружу. У обеих — белокурые волосы. Мама говорит, что мы недостаточно ценим это, явно намекая на ту паклю бурого цвета, что красуется у нее на голове. Ну уж такими она сама создала нас, что тут сказать. По мне — она должна быть в восторге от своей работы, а не завидовать тому, что нам чуть больше повезло в генетической лотерее.